

Трубникова Наталья Валерьевна

ЭГОИСТОРИИ КАК АВТОПОРТРЕТ "ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ" ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ "АННАЛОВ"

В статье рассматривается проект "Эссе эгоисторий", выпущенный под редакцией Пьера Нора в 1987 г. в издательстве "Галлимар", как способ субъективного свидетельства современных историков - в основном, представителей французской исторической школы "Анналов" - о наиболее важных событиях современности и профессиональной судьбы. Особое внимание в статье уделяется социальным характеристикам движения "Анналов" 1950-1970-х гг., позволяющим адекватно воспринять творческую мотивацию и тематические ориентации этой исторической школы, переживающей в рассматриваемый период апогей своего мирового влияния.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 182-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.1(44)

В статье рассматривается проект «Эссе эгоисторий», выпущенный под редакцией Пьера Нора в 1987 г. в издательстве «Галлимар», как способ субъективного свидетельства современных историков – в основном, представителей французской исторической школы «Анналов» – о наиболее важных событиях современности и профессиональной судьбы. Особое внимание в статье уделяется социальным характеристикам движения «Анналов» 1950-1970-х гг., позволяющим адекватно воспринять творческую мотивацию и тематические ориентации этой исторической школы, переживающей в рассматриваемый период апогей своего мирового влияния.

Ключевые слова и фразы: историческая школа «Анналов»; «третье поколение Анналов»; эгоистории; автобиографический жанр; социология исторической науки.

Наталья Валерьевна Трубникова, д.и.н., доцент

Кафедра истории и регионоведения

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

nvt@tpu.ru

ЭГОИСТОРИИ КАК АВТОПОРТРЕТ «ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ» ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ «АННАЛОВ»[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-93210к/К.

Уникальным источником для определения социальных характеристик деятельности «третьего поколения» всемирно известной французской исторической школы «Анналов» стал проект, осуществленный Пьером Нора в издательстве «Галлимар» – «Эссе эгоистории», который собрал автобиографии ведущих историков поколения [10]. По сути, за несколькими исключениями, со времен Жюль Мишле французская историография не поощряла амплуа яркой субъективности автора, стремясь к научной строгости. По замыслу создателя, «эгоистории» должны были сформировать портрет его сверстников – целого поколения историков, которые родились во второй половине 1920-х гг., учились накануне или вскоре после Второй мировой войны, сочетая в себе традиции Сорбонны и «Анналов», и были отмечены тенью, отбрасываемой «холодной войной». Не только как историкам, но и как свидетелям своей эпохи, им предстояло по возможности искренне определить собственное место в истории.

Личные истории Мориса Агюлона, Пьера Шоню, Жоржа Дюби, Жака Ле Гоффа, Пьера Губера, Мишель Перро (единственной женщины среди авторов), Рауля Жирарде и Рене Ремона (единственных авторов, не связанных с «Анналами») снискали отклик как во французской профессиональной прессе [2], так и в зарубежной [11].

В дискуссии, организованной в 1988 г. журналом «Ле Деба», говорилось о стремлении редакторов оценить новый жанр, дающий личное свидетельство одного интеллектуального поколения и позволяющий измерить глубину различия между отдельными поколениями в профессии.

Франсуа Досс [4] оценил эгоистории как возвращение того вытесненного, нереализованного потенциала автора, который образовался в сциентистскую эпоху, когда само сознание человека, пользуясь метафорой Леви-Стросса, считалось «препятствием для наук о человеке». Возвращение автора Досс связал с общим подъемом биографии, рефлексии об индивиде, дающей место «парадигме методологического индивидуализма», назвав книгу попыткой диалога «индивидуума-историка» со своим временем. Через эти индивидуальные ретроспекции можно пережить существование поколения, сообщества историков, которые показывают одновременно свою принадлежность к профессиональной корпорации и приверженность различным жизненным позициям.

Досс отметил несомненный разрыв с более молодым поколением историков, для которого хуже складывалась плохая кадровая ситуация, большинство было вынуждено работать в школе, что оставляло мало времени для научных занятий. Поколение «эгоисториков» имело больше исследовательских возможностей и обладало большим влиянием в средствах массовой информации. Однако они были обязаны выполнять «этот обязательный обряд посвящения, каким была монументальная диссертация, обрекающая на аскезу в течение, как минимум, десяти лет».

Автор обратил внимание на разнообразие политических пристрастий у «эгоисториков». Однако все они были «отмечены коммунизмом» и покончили с ним, «страстно желая сжечь то, чему были привержены вчера». В отличие от них, следующее поколение отчетливо понимало репрессивный характер советской системы и не испытало подобного идейного кризиса.

Эгоистория представлена, в основном, третьим поколением «школы Анналов». В воспоминаниях легко обнаруживается важность двух харизматических фигур, которые доминировали во французской историографии: Эрнеста Лабрусса, чье значение неизвестно широкой публике из-за факта его «дистанцированной»

связи с Анналами, и Фернана Броделя, который, напротив, выполнял центральную роль устроителя через свою позицию руководителя среды, распределяющего ее власть, «посвящающего в рыцари». Измерение этой «зоны Анналов» обнаруживается на каждом шагу эгоисторий, она предстает как интеллектуальная сеть, сеть солидарности, источник групповой идентичности. Даже те среди авторов, кто остались внешними для «Анналов», – Рауль Жирарде и Рене Ремон – признают их притягательность. «Анналы» представляют собой своеобразный полюс сообщества историков, «третий путь», проложенный сквозь традиционную бинарную связку «левых-правых». «Позади индивидуальных путей, – заключает Франсуа Досс, – находятся ... материалы для конструирования истории историков, которая стала бы основательным отражением ментального инструментария эпохи» [Ibidem, p. 124].

Жак Ревель [12] писал, что для него представляют интерес «эгоистики» в группе, и потому жаль, что истории этих успешных представителей поколения не были дополнены историями представителей менее успешных. Его удивили несколько общих особенностей. Во-первых, большое внимание деталям детства и юности, где главным ориентиром оказалась память о первой мировой – Великой Войне. Именно она является фоном и точкой отсчета для всех происходящих событий. Во-вторых, наличие в этих воспоминаниях эмоционального плана, всегда связанного с Родиной и религией. Именно здесь просматриваются «тонкие душевные струны» будущих историков. В-третьих, внимание, которое они уделяли университету и начальным ступеням своей карьеры. Почти все из них отмечали важность в их формировании «первых» и «вторых» Анналов. В-четвертых, относительное невнимание к периоду своей зрелости: они мало и поверхностно написали о времени своего профессионального успеха, как если бы эти годы не имели большой важности. Они не склонны были рассуждать о состоянии и перспективах современного общества, не комментировали возросшего интереса общества к истории, не прогнозировали будущее.

Робер Бонно, комментируя ситуацию автобиографической лихорадки, возникшей после публикации Пьера Нора, охарактеризовал жанр эгоисторий как величину двойственную, с неизмеренной пока эвристической глубиной [3, p. 96]. Лучше ли память историка, чем память любого другого человека, и если лучше, то до какой степени? Он привел в пример автобиографическое интервью Поля Вейна [13]: если автор знает об античности больше, чем его читатели, должны ли они доверять ему, когда он делится своими воспоминаниями об антиколониальном движении эпохи алжирской войны? Если он являлся близким другом Мишеля Фуко, стоит ли принимать без доказательств те детали, которые он сообщает о жизни последнего?

Не погружаясь в вопросы о познавательных возможностях эгоисторий, О. Дюмулен [6, p. 322-323] выявил в них следующее типологическое родство. Судьбы Жака Ле Гоффа и Пьера Губера представляют собой характерный пример жизни историка «третьего поколения». Их детство между набожной матерью и отцом-антиклерикалом воплощало решающий разрыв III Республики с наследием старой Франции. Большинство из них являлись внуками крестьян, прошли через обязательный этап престижной Высшей Нормальной Школы и экзамен по агрегации. Все объясняли свою приверженность категориям исторического анализа впечатлениями детства. Все избегали рассуждать о своей среде в категориях Пьера Бурдьё: о доступе к власти, о стратегиях и тактиках, габитусах и сетях, отдавая предпочтение случайным или забавным историям из своей биографии, психологическим переживаниям. О вершине своей карьеры, глобализации международных обменов, улучшения системы архивов писали только вскользь. Все «эгоистики» посещали одних мэтров – Лабрусса и Броделя, отдали должное отцам основателям – Февру и Блоку, повторили немного из «семейного альбома» истории – о раздорах Блока и Февра в годы войны, об удалении из редакции Робера Мандру, о «битвах» Броделя и Ренувена. Дюби, Шюно, Агюлон воспроизвели одни и те же этапы повествования: учителя, диссертация, университет, май 1968 г., ученики, поездки за границу и, наконец, для некоторых, общественные обязанности. Общим идейным фоном всех эгоисторий признавались традиционный культ и поэзия кропотливого труда, опыт архивов, необходимость находить общий смысл в конгломерате разрозненных фактов.

Ко всему вышесказанному добавлю еще несколько примечательных подробностей, характерных для эгоисторий «по отдельности».

Морис Агюлон [1] – единственный среди ««эгоистиков»», кто провел психологическую ретроспекцию отношений своего поколения с коммунистическими идеологиями (ленинизмом, сталинизмом, троцкизмом). Он напомнил, что во Франции коммунистическая пропаганда была тесно связана с темой Соппротивления. «Мы были сами активными, единственно эффективными, единственно верными в борьбе за Родину». Вторая причина влияния коммунистов на послевоенную молодежь имела моральное происхождение. Они обладали культурой толерантности, остерегаясь открыто проповедовать большевизм, выступали от имени республиканской демократии, утверждали «чистую» демократическую мораль на фоне «нечистой» морали социалистов.

О третьем поколении, как о наиболее многочисленном и социально однородном в истории «Анналов», вдобавок отмеченной идеологией самого непримиримого сталинизма, справедливо писала Д. Джемелли [8, p. 164]. В начале 1960-х гг. после венгерских событий¹ поколение переживало жестокое разочарование в революционной идеологии и последующую идейную депрессию, совсем отбившую у многих желание заниматься абстрактным социальным теоретизированием, о чем ясно написал Франсуа Фюре [7]. «Пражская весна» 1968 г., восприятие работ Солженицына, и, наконец, ввод советских войск в Афганистан закрепили неприятие марксизма-ленинизма.

¹ Подавление Советским Союзом антисоветского мятежа в Венгрии в 1956 г.

Потеря идеологических ориентиров у этого поколения была усилена процессами деколонизации, потрясающими основы привычного мира, что предопределило крайнее разнообразие ценностных ориентаций и направлений исследования. И все же именно они впоследствии образовали одновременно дружескую и идеологическую сеть влияния, отличающуюся высоким уровнем внутренней сплоченности.

В начале именно революционная активность толкала юных историков осуждать любые проявления американского империализма во французской культуре, что оборачивалось нападками на Броделя и его политику. В определенном смысле, их действительно можно назвать «поколением, разочарованным историей» [8, p. 165]. Проект «тотальной истории» для большинства людей, видевших конец идеологий и кризис национальной культуры, неразрывно связанной с самим образом истории, оказался невозможным. Рассуждая о причинах сначала «сталинизации», затем «десталинизации» своего поколения, М. Агюлон пришел к выводу, что не всем его сверстникам удалось «десталинизироваться» по-настоящему. «Я предпочел бы сказать..., что настоящая десталинизация – это то, что сопровождается новым завоеванием критического духа. Надо «дефанатизироваться», а не только менять тип фанатизма. Такая страстная ненависть к коммунизму кажется немного избыточной у того, кто имел противоположное чувство; такое почтение к новому верховному лидеру кажется достаточным для обнаружения в нем замены Сталину» [1, p. 56].

Агюлон, реконструируя в «Эгоисториях» опыт своего поколения, предложил разделить всех французских интеллектуалов, переживших «прививку» коммунизма, на четыре категории. Первая из них, составляющая большинство, увидела в коммунизме квинтэссенцию политического сознания и, разочаровавшись в нем, отказалась от политики вообще. Вторая группа увидела в коммунизме вселенское Зло, забыв, что таким же Злом может быть фашизм, капитализм, нищета... «Делая из коммунизма единственное зло, или, по меньшей мере, главное зло, они остаются в политике, чтобы выступать за «правых». Это самая заметная категория» [Ibid.]. Третья и четвертая категории увидели в коммунизме зло, не забывая, что есть и другие формы зла. Они остались в политике, и остались «левыми». Некоторые из них – это третья группа, к которой Агюлон отнес и себя самого, полагают, что «коммунизм стал злом, начиная с Ленина, с уничтожения всеобщего избирательного права», оставаясь сторонниками демократического социализма. Четвертая группа думает, что коммунизм стал злом с приходом Сталина, что сам принцип был хорош, и безнадежно пытаются выстроить концепцию «большевизма без Сталина». Таким образом, Агюлон, выступая в качестве свидетеля эпохи, подтвердил вывод о колоссальной роли революционных идеологий для формирования базы исследований, которые проводились «третьими Анналами».

Один из столпов движения «Анналов» Жорж Дюби выполнил рассуждение о том, существует ли вообще пресловутая «школа Анналов», и пришел к выводу, что сегодня ее однозначно нет. Еще видны их институты, и наследники, которые их занимают. Эти институты сейчас полностью выполнили свои функции, распространили и развили повсюду идеи и методы «ранних Анналов», обновляя историческое исследование во всем мире, но эта миссия уже состоялась [5].

Жак Ле Гофф [9], напротив, не рассматривал миссию «Анналов» как выполненную, и наиболее ясно из всех «эгоисториков» отождествил свою профессиональную судьбу с движением, достаточно откровенно рассказывая о непонимании старших коллег и своих разочарованиях. Самое в них «жестокое было открыть, при исполнении власти и, особенно, при упадке этой власти, Фернана Броделя, в котором человек не был на высоте историка. Это нисколько не повлияло на глубокую признательность, которую я к нему испытываю, но немного пошатнуло его образ. Он не единственный в этой категории высокомерных великих людей, к которым я не могу испытывать восхищение всецело» [Ibid., p. 238].

Кроме того, Жак Ле Гофф единственный написал о «странном поражении» Франции во второй мировой войне. «Петэн – самое большое пятно на истории Франции. ... Нужно говорить, нужно говорить громко, нужно, чтобы наши дети это знали, нужно, чтобы поколения, которые его не знали, могли узнать и понять, каким позором был режим Виши. Нужно, чтобы никогда не предпринималась «реабилитация» того, кто допустил этот позор, главного ответственного за этот стыд. История не должна заглушать гражданина» [Ibid., p. 205].

Сборник «эгоисторий» помогает проникнуться «человеческим измерением» исторической науки, понять факторы, оказывающие влияние на формирование судеб и исследовательских ориентаций признанных мэтров исторической науки, дает возможность сравнить различные ипостаси историка как свидетеля своего времени и специалиста по прошлому.

Список литературы

1. Agulhon M. Vu des coulisses // Nora P. (dir.) Essai d'ego-histoire. Paris: Gallimard, 1987. P. 9-59.
2. Autour de l'ego-histoire // Le Débat. 1988. № 49. 125 p.
3. Bonnaud R. Histoire et historiens depuis 68. Paris: Éditions Kimé. 126 p.
4. Dosse F. Une égoïstoire ? // Le Débat. 1988. № 49. P. 122-124.
5. Duby G. Le plaisir de l'historien // Nora P. (dir.) Essai d'ego-histoire. Paris: Gallimard, 1987. P. 109-138.
6. Dumoulin O., Le Dumoulin O. Le rôle social de l'historien: de la chaire au prétoire. Paris: Albin Michel, 2003. 527 p.
7. Furet F. Les Intellectuels français et le Structuralisme // Preuves. 1967. № 192. P. 3-12.
8. Gemelli G. Fernand Braudel. Paris: Odile Jacob, 1995. 376 p.
9. Le Goff J. L'appétit de l'histoire // Nora P. (dir.) Essai d'ego-histoire. Paris: Gallimard, 1987. P. 173-239.
10. Nora P. (dir.) Essai d'ego-histoire. Paris: Gallimard, 1987. 375 p.
11. Popkin J. Historians on the autobiographical frontier // American historical review. 1999. №104 (3). P. 178-183.

12. Revel J. Groupe avec paysage // Le Débat. 1988. № 49. P. 130-133.

13. Veyne P. Le Quotidien et l'Intéressant / entretiens avec Catherine Darbo-Peschanski. Paris: Les Belles Lettres, 1995. 319 p.

EGOHISTORIES AS THE SELF-PORTRAIT OF "THE THIRD GENERATION" OF THE FRENCH HISTORICAL ANNALES SCHOOL

Natalya Valeryevna Trubnikova, Doctor in History, Associate Professor
Department of History and Region Studies
National Research Tomsk Polytechnic University
nvt@tpu.ru

In the article the project "Essays of Ego-histories" concerning the most important events of modern times and professional fate and edited by Pierre Nora (Éditions Gallimard) in 1987 as the way of the subjective evidence of modern historians who were mainly the representatives of the French historical Annales school is considered. The main attention is given to the social characteristics of Annales movement of the 1950-1970s which allow adequately apprehending the creative motivation and subject orientations of this historical school being at the height of its world-wide influence during the period under consideration.

Key words and phrases: historical Annales school; "the third generation of Annales"; ego-histories; autobiographical genre; sociology of historical science.

УДК 75.03

В статье поднимаются вопросы графического искусства так называемых «провинциальных» художников второй половины XX века. Многочисленные примеры подтверждают тот факт, что именно провинция часто служила истоком творческих феноменов, почвой для творческого раскрытия неординарных и талантливых личностей. Именно провинция становилась той надежной и стабильной почвой для зарождения, развития и сохранности историко-культурных и, в частности, художественных традиций, сохранности механизма преемственности от одного поколения к другому, генетического кода творческой личности, ее яркой индивидуальности. В статье раскрывается роль провинции второй половины XX столетия в развитии и обогащении российского изобразительного искусства новыми именами талантливых художников.

Ключевые слова и фразы: Анатолий Терентьевич Наговицын; образ русского севера; Н. П. Дмитриевский; вологодская графика; художественные традиции; провинциальный город; творчество провинции.

Вера Ивановна Филиппова, член Союза художников России и Международной ассоциации искусствоведов
Кафедра художественного образования
Институт педагогики и психологии Череповецкого государственного университета
filvi@yandex.ru

ОБРАЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ВОЛОГОДСКИХ ХУДОЖНИКОВ-ГРАФИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА[®]

Если рассматривать провинцию как социокультурный ареал, расположенный в отдалении от столичных городов, и создающий социокультурную среду, которая дает человеку (художнику) потенциальную возможность формироваться, развиваться и проявлять себя в эпостаси талантливой личности, то можно провести сравнительный анализ творческого наследия группы ведущих художников провинциального города и сделать определенные выводы по вопросу влияния провинции на характер творчества того или иного художника, вклада этого художника в развитие культуры и искусство нашей страны. В послевоенные годы, а особенно в 50-е и, далее, в 60-е годы характерной чертой в нашей стране является столичная и провинциальная разобщенность некоторых процессов и явлений. Что же касается процессов, протекаемых в творческих массах, то здесь можно отметить, что художественная жизнь страны этого периода в целом активизируется в сторону реалистического искусства. Явления авангардного проявления, если и находили место, то не в столь массовом порядке, и не в столь остро-содержательном плане. В 1957 году состоялся I-й Всесоюзный съезд советских художников. На нем присутствовали делегаты от более семи тысяч художников и искусствоведов. В этом же году в Москве прошла крупнейшая Всесоюзная художественная выставка.

Большинство искусствоведов исследуемого периода, свои публикации посвящали художественной культуре центра, в том числе и столичному альтернативному искусству, поскольку в своих проявлениях оно, по их мнению, было более активным и ярко выраженным именно там. Тем не менее, в географической отдаленности от столиц, от культурных центров, провинциальная художественная среда порой претендовала на создание цельного, значимого для всей страны и самостоятельного по содержанию, культурного пласта.